

На стыке старого и нового года грохот петард эхом разносился по всем окрестностям.

Переулок Фужун не стал исключением. Оглушительные взрывы перемежались веселыми голосами взрослых и детей, и супругам на кане ничего не оставалось, как разойтись, тяжело дыша и спешно приводя в порядок растрепанные волосы и смятые одежды.

Цинь Ся выглядел лучше, а вот Юй Цзюцюэ был совершенно растрепан: его волосы спутались, губы покраснели, словно спелые вишни, а из-под полуразвязанного воротника рубашки на шее проступили два свежих следа.

Неясно, то ли он забыл дышать, пока их губы были соединены, то ли что-то еще, но сейчас Юй Цзюцюэ чувствовал себя так, будто все вокруг кружится. Его руки, пытаясь застегнуть пуговицы, все никак не могли справиться с этой задачей.

Тонкие, изящные пальцы протянулись сбоку и взялись за мелкие пуговицы на его груди.

— Я помогу.

Лицо Юй Цзюцюэ мгновенно залила краска, напомнившая цвет тех же вишен.

Цинь Ся аккуратно застегнул его рубашку, нежно поправил волосы, и в воздухе тут же разлился легкий аромат мыла с горьковатым оттенком. Не удержавшись, он склонился и чмокнул гера в щеку, после чего с довольной улыбкой заметил:

— Раньше ты был смелее, а сейчас вдруг так застеснялся?

Юй Цзюцюэ обмахивал лицо рукой, надеясь сбить жар с пылающих щек. Он отвел взгляд в сторону и, словно оправдываясь, произнес:

— Это совсем другое.

Кто бы мог подумать, что вечно сдержанный и учтивый Цинь Ся, однажды «раскрывшись», проявит себя настолько решительно? Юй Цзюцюэ не смог оказать никакого сопротивления, полностью оказавшись в его власти. Хоть дело и ограничилось поцелуями и нежностью, без каких-либо непристойных поступков, но даже этого было достаточно, чтобы он едва справлялся с нахлынувшими чувствами.

Эти мысли заставили его украдкой взглянуть на Цинь Ся.

Цинь Ся заметил взгляд и удивился:

— Что такое? У меня что-то на лице?

Юй Цзюцюэ откашлялся, пытаясь скрыть смущение:

— Нет, ничего.

На самом деле он размышлял, почему Цинь Ся в таких делах выглядит так уверенно, словно у него уже был опыт общения с другими герами или девушками в прошлом.

Но потом он упрекнул себя за такие мысли. Он доверял Цинь Ся — и этого было достаточно.

Цинь Ся, не понимая истинных причин смущения Юй Цзюцюэ, полагал, что тот просто стесняется. Когда Юй Цзюцюэ закончил поправлять прическу, Цинь Ся накинул на себя верхнюю одежду и сказал:

— Пойду сварю пельмени и взорву еще пару петард. Ты пойдешь со мной?

Этот вопрос был формальностью. Даже если бы Цинь Ся захотел оставить его одного, сам Юй Цзюцюэ не согласился бы.

— Пойду с тобой.

Они тепло оделись и, проходя через зал, заметили, что Дафу проснулся в своем новом гнездышке из хлопка в углу. Услышав шум и увидев хозяев, он загоготал и, помчавшись к ним, принялся тянуть их за штаны.

Юй Цзюцюэ присел и обнял Дафу.

— Сейчас мы не можем взять тебя с собой. Мы идем запускать петарды.

Гусь просунул голову в распущенные волосы Юй Цзюцюэ и устроился у него на плече, явно не собираясь уходить.

Юй Цзюцюэ, опасаясь, что шум петард испугает Дафу, решительно снял его с плеча.

— Будь умницей, жди нас дома.

Когда они снова вышли за порог, снег стал немного тише, но все еще продолжал идти. На земле уже образовался пушистый белый покров, который, освещенный вспышками от петард, делал ночь похожей на предрассветное утро.

— Если снег продержится всю ночь, завтра его станет еще больше. Тогда мы слепим во дворе снеговика, — сказал Цинь Ся с улыбкой.

В своем прошлом городе, хоть он и находился на севере, Цинь Ся редко видел такие сильные снегопады. Сегодняшняя метель в уезде Цинань вызывала у него настоящее восхищение.

Юй Цзюцюэ выдохнул облачко пара, в его глазах блеснула радость. Он не помнил, был ли у него в детстве кто-то, с кем можно было бы лепить снеговиков. Судя по неприятным воспоминаниям из снов, скорее всего, нет. Это делало присутствие Цинь Ся в его жизни еще более ценным.

Зайдя в дровяной сарай, они взяли длинный бамбуковый шест и прикрепили к нему красную ленту с петардами.

Когда открыли дверь, на земле переулка уже была расчищена небольшая площадка, усыпанная красными обрывками бумаги. Не нужно было гадать, кто это сделал: конечно же, соседи из семьи Вэй вышли раньше.

Цинь Ся поднял бамбуковый шест. Считалось, что чем длиннее шест, тем удачнее будет следующий год. Шест, который они использовали, хоть и старый, был вполне внушительным.

Когда все было готово, Юй Цзюцюэ зажег длинной ароматической палочкой фитиль. Искры вспыхнули и зашипели. Юй Цзюцюэ зажал уши и быстро вернулся к Цинь Ся, но, увидев, что у того обе руки заняты шестом, решил помочь и прикрыл ладонями его уши.

Цинь Ся только рассмеялся, глядя на эти его заботливые действия.

Красная лента петард тянулась от верхушки шеста до земли, а оставшиеся снаряды продолжали грохотать так долго, что казалось, они никогда не закончат. Но стоило их петардам затихнуть, как где-то рядом взорвались чужие. Таков уж обычай новогодней ночи: шум не стихает почти час, не оставляя надежд на сон.

Когда петарды прогремели, Цинь Ся убрал бамбуковый шест.

Уши Юй Цзюцюэ все еще звенели от громкого шума. Цинь Ся прикрыл его ледяные ушные раковины теплыми ладонями.

— Пойдем. Пора варить пельмени.

Пухленькие белоснежные пельмени, словно крошечные юаньбао, плавали на поверхности кипящей воды. Пятьдесят пельменей наполнили три большие тарелки, а к ним еще добавили две чашки пельменного бульона. Не забыли и про чеснок, замаринованный в Лаба — его положили в банку еще в тот день.

— Интересно, как он получился, — пробормотал Юй Цзюцюэ, осторожно доставая банку и с нетерпением открывая крышку.

С Цинь Ся не могло быть иначе — чеснок замариновался идеально. Зубчики приобрели насыщенный зеленый оттенок, а уксус пропитался их ароматом, создавая идеальное дополнение к пельменям. С этим нехитрым набором они вернулись в дом. Тепло и пар от пищи моментально сняли напряжение, делая обстановку по-домашнему уютной.

Дафу крутился под столом, словно недоумевая, почему хозяева за день решили устроить уже второй ужин.

Для Цинь Ся и Юй Цзюцюэ эта трапеза была больше, чем просто едой — она стала своеобразной чертой, разделившей прошлое и настоящее. Если во время лепки пельменей каждый из них еще был погружен в свои мысли, то теперь, когда пельмени уже оказались в тарелках, между ними больше не оставалось недосказанности.

Не важно, какой начинкой были пельмени — из трех или восьми ингредиентов, каждый кусочек казался сладким. И, конечно, среди них попадались «особенные».

— А я нашел тот, в котором финик! — воскликнул Юй Цзюцюэ, демонстрируя пельмень, в котором виднелся кусочек золотистой финиковой мякоти.

Спустя некоторое время Цинь Ся тоже обнаружил свой сюрприз — пельмень с арахисом.

Потом они начали развлекаться, выбирая из тарелки пельмени, которые могли бы содержать «счастливые» начинки, и заставляли друг друга пробовать их, чтобы проверить свои догадки.

К концу ужина три тарелки пельменей были опустошены, а к ним добавилась чашка бульона. Юй Цзюцюэ, давно забывший чувство пресыщения, даже невольно громко рыгнул, чем немало удивил сам себя. Он потер слегка округлившийся живот и вспомнил, что завтра они с Цинь Ся договорились отправиться в храм Вэньхуа вместе с супругами Вэй, чтобы молиться о рождении ребенка.

«Интересно, когда в моем животе окажется не просто съестное, а ребенок, о котором мы мечтаем? — подумал он, и тут же мысленно добавил, — Впереди, конечно, нелегкий путь».

□□——

На следующий день, на рассвете.

Есть старая поговорка: «Одна ночь — два года; пятый час утра — начало нового года».

Согласно традициям, к этому времени завершалось ночное бдение в канун Нового года.

Правда, далеко не все выдерживали до этого момента, особенно дети, которые засыпали в одежде, позволив себе проспать ночь напролет.

Цинь Ся и Юй Цзюцюэ тоже не стали исключением. Но перед тем как уснуть в одежде, они занялись кое-чем еще.

Юй Цзюцюэ, лежа на своей стороне, украдкой взглянул на свои руки и не мог не вспомнить слова, сказанные ему ранее Цао Ашуан в доверительном разговоре.

— Вот уж действительно... не зря это называют «радостями спальни», — думал он, чувствуя, как лицо разгорается румянцем.

«Радости» — это слово, конечно, было подобрано метко.

Его щеки вспыхивали жаром с вечера и до самого утра.

Когда он попытался встать, Цинь Ся, не отпуская его, притянул обратно.

— Еще рано. Сегодня никто не ждет нас, можно позволить себе подольше поспать.

Юй Цзюцюэ, зарывшись лицом в изгиб руки Цинь Ся, перевернулся и улыбнулся краешком губ.

— Я не хочу спать, — честно признался Юй Цзюцюэ. — За окном уже светло, мне хочется выйти посмотреть на снег.

Стоило прозвучать слову «снег», как последние остатки дремоты у Цинь Ся моментально исчезли. Он прислушался к тишине за окном: ветра, похоже, не было, значит, холод, вероятно, не слишком сильный.

— Тогда надевай новую одежду, пойдем лепить снеговика.

Новая одежда, купленная перед праздником, традиционно предназначалась для первого дня Нового года. Помимо купленных ватных курток, к ним заранее были доставлены теплые ботинки, сшитые Фан Жун.

Одежду специально вынули из сундука вчера и положили на краю кана, чтобы она согрелась. Юй Цзюцюэ сел, потянулся рукой под подушку, где у него всегда лежала деревянная заколка, не боящаяся повреждений. Он привык сразу после сна быстро заколоть волосы, чтобы удобно было одеваться и умываться.

Но сегодня его пальцы наткнулись на что-то другое.

— Это...

На ощупь предмет был холодным, но очень знакомым. Когда он вытянул его из-под подушки, то увидел связку медных монет. Однако в этот раз они были нанизаны на ярко-красную новую веревочку, а на конце красовался неловко завязанный узел в виде символа «жуйи» — пожелания удачи.

— Это твои новогодние деньги, — с улыбкой объяснил Цинь Ся.

Он ждал этого момента всю ночь. Чтобы Юй Цзюцюэ не заметил, он специально дождался, пока тот, уставший после вечерних событий, крепко уснет, и только тогда спрятал монеты под подушку.

Юй Цзюцюэ крепко сжал монеты в руке, чувствуя легкое смущение.

— Но я ведь ничего для тебя не подготовил...

Цинь Ся рассмеялся:

— Это и не нужно. Разве супруги дарят друг другу новогодние деньги? Я дал их тебе, потому что старше. Я специально обменял эти монеты на новые в банке. Здесь ровно шестьдесят шесть штук — это символ благополучия. Хочешь потратить их, хочешь оставь на память — это твое дело.

После этих слов Юй Цзюцюэ внимательно присмотрелся к монетам и заметил, что они действительно были новенькими и блестящими. В отличие от тех, с которыми он работал на рынке, на этих монетах не было ни царапин, ни грязи в углублениях.

— Как же я могу их потратить... — пробормотал он.

Юй Цзюцюэ с любовью вертел связку монет в руках, словно это был самый ценный на свете подарок. Тяжелые, блестящие, они снова вернулись под подушку.

— Может, пусть лежат здесь. Кто знает... с ними, возможно, я больше не буду видеть кошмары.

Цинь Ся взял его за руку и нежно поцеловал.

— Хорошо.

Он сам надеялся, что эти новогодние монеты, как и говорили старики, смогут прогнать нечисть и принести спокойствие.

Во дворе все утопало в серебристой белизне. Голые деревья, сбросившие листву еще осенью, покрывались сверкающим снегом, а земля хрустела под каждым шагом.

Цинь Ся, боясь, что Юй Цзюцюэ замерзнет, велел тому подождать в дверях, а для начала просто взять горсть снега и поиграть с ней, пока он не вскипятит воду.

Но, вернувшись с чайником, он обнаружил, что Юй Цзюцюэ уже успел выстроить целую ровную линию из маленьких снежков, аккуратно вылепленных с серьезным выражением лица. Цинь Ся улыбнулся, осторожно обойдя снежную «коллекцию», и кивком пригласил Юй Цзюцюэ умыться и почистить зубы.

— Зубной порошок почти закончился, — сказал Цинь Ся, встряхивая баночку. — Перед праздниками я забыл его купить.

— Сегодня возьмем, — пробормотал Юй Цзюцюэ, с зубной щеткой во рту.

Цинь Ся расслышал это и согласился:

— После того как поставим благовония в храме, заглянем на ярмарку.

Зубной порошок в те времена делали из смеси трав, так что после полоскания во рту оставался травяной вкус с легкой горчинкой. Цинь Ся уже давно привык к этому, хотя поначалу было непривычно.

Встав слишком рано, оба не успели проголодаться после вчерашнего ужина. Чтобы немного утолить утренний голод, они перекусили сладкими пирожными из «Гань Юань Чжай», а затем выбежали во двор играть в снег.

У Цинь Ся была лопата. Он выбрал место во дворе, собрал снег и сделал основу для снеговика. Вместе с Юй Цзюцюэ они слепили голову, а затем вернулись в дом за углем для глаз, морковью для носа и сухими ветками для рук. Снеговик получился немного нелепым, но от этого еще более забавным. Им все еще не хотелось останавливаться. Используя снежки, которые Юй Цзюцюэ слепил ранее, они построили пять крошечных снеговиков, поставив их в ряд, словно они держались за руки. В ход пошли мандариновые корки для шляпок и косточки фиников для носов.

Цинь Ся отступил на шаг, осматривая их творчество с гордостью. Юй Цзюцюэ тоже остановился рядом, но вскоре рассмеялся, любуясь результатом. Солнечный свет, отраженный от снега, согривал их души, прогоняя последние тени беспокойства.

На Новый год в храм принято отправляться рано, поэтому вскоре после рассвета соседи — молодая пара с противоположной стороны улицы — уже вышли во двор.

После приветствий Цао Ашуан, улыбаясь, подошла и с дружеской теплотой взяла Юй Цзюцюэ под руку.

— Брат А-Цзю, это твоя новая куртка? Такая красивая, делает тебя белым, как снег! — воскликнула Цао Ашуан с неподдельным восхищением.

Юй Цзюцюэ смущенно потянул за край своей ватной куртки и с легкой улыбкой ответил:

— Это всего лишь обычная одежда. Зато твое платье цвета осенней хризантемы действительно необычное.

Цао Ашуан засмеялась, на щеках появились две очаровательные ямочки. Она быстро взглянула на Вэй Чао и, понизив голос, пробормотала:

— Я говорила, что этот цвет быстро пачкается, но он настоял, чтобы купить. Даже получил выговор от свекрови. Хотя она и ругалась, все равно сама набила платье хлопком и велела мне, если буду работать в нем, обязательно надевать нарукавники.

Вэй Чао любил жену, а Гэ Сяохун, его мать, обожала невестку. Раньше Юй Цзюцюэ, возможно, и завидовал бы открытой любви между Цао Ашуан и Вэй Чао. Но после вчерашней ночи...

Теперь ему больше не нужно было завидовать никому.

Разговаривая, они прошли уже несколько чжан. Цинь Ся и Вэй Чао, чтобы не мешать их беседе, нарочно немного отстали. Однако, заботясь о своих спутниках, они время от времени оборачивались. И каждый раз, когда их взгляды встречались с Юй Цзюцюэ и Цао Ашуан, те, словно две воробихи, шептались друг с другом, касаясь головами, а затем, рассмеявшись, смотрели на мужчин.

Цинь Ся и Вэй Чао переглянулись, пожали плечами и улыбнулись, оставив попытки угадать, о чем же говорят их половинки.

Тем временем Вэй Чао предложил Цинь Ся заказать у него несколько партий соленой утки. Он собирался угостить управляющего и поваров из дома Сун, а часть оставить для семьи.

— Все из-за моего младшего брата. Уезжает на месяцы, набирается опыта, но питается в дороге кое-как. Вернется домой — всей семьей собираемся, выпиваем, а там уже и захочется чего-нибудь вкусного. Вот я и подумал: зачем медлить, лучше сразу обсудить с тобой.

Цинь Ся кивнул. Он знал, что его соленая утка была редкостью: ее невозможно было купить где угодно, сколько ни плати. Даже самые изысканные угощения часто не могли сравниться с ее вкусом.

Вэй Чао знал, что утиные потроха и субпродукты сами по себе могут выглядеть обыденно, но благодаря мастерству Цинь Ся они превращались в изысканное блюдо, которое не стыдно подать любому.

Цинь Ся уточнил количество, и оказалось, что заказ довольно крупный.

— Мы с А-Цзю будем поздравлять людей с Новым годом сегодня и завтра, а вот третьего и четвертого числа у нас будет время.

Они договорились, что третьего числа Вэй Чао привезет свежих уток, а четвертого вечером Цинь Ся их замаринует. Ночь уйдет на готовку, и пятого числа заказ будет готов для вручения.

Когда они вышли из переулка на главную дорогу, мужчины направились к своим спутникам. На улице было многолюдно, по дороге проезжали телеги. Несмотря на то, что снег был частично убран, скользкие места все еще могли представлять опасность.

Цао Ашуан крепко ухватила за руку Вэй Чао, а Цинь Ся осторожно подтолкнул Юй Цзюцюэ ближе к себе, чтобы тот не поскользнулся.

Так, медленно шагая, поддерживая друг друга, они наконец добрались до храма Вэньхуа спустя примерно полчаса. Поднявшись по многочисленным ступеням, группа оказалась перед храмовыми воротами. Здесь уже собралась огромная толпа паломников, и по количеству людей место ничуть не уступало шумной ярмарке у подножия горы. Для Вэй Чао и Цао Ашуан это было не первое посещение храма, поэтому они уверенно повели Цинь Ся и Юй Цзюцюэ к месту, где можно было приобрести благовонные палочки.

За две медные монеты продавали три палочки. Согласно правилам, их нужно было обнести вокруг храма, следуя по центральной оси, а затем вставить в курильницу у входа в главный зал — Дасян Баодянь. Если же кто-то хотел пройти внутрь для особого подношения, то нужно было дополнительно приобрести более дорогие благовония. Цинь Ся и Юй Цзюцюэ, как и остальные, взяли по три палочки и направились вслед за супружеской парой Вэй.

Хоть Вэньхуа и не был древним храмом, но на его территории росли несколько старых деревьев, которые видели строительство обители. В заднем дворе располагались два древних гинкго, а в переднем — две величественные сосны, чья зеленая хвоя сохранялась даже в суровые зимние месяцы. Идя вдоль храмовых строений, паломники любовались видами.

— Говорят, когда просишь благословения, нужно мысленно произносить свое имя, дату рождения и восемь знаков судьбы, — шепотом поведала Цао Ашуан Юй Цзюцюэ, передавая ему проверенную временем хитрость.

Цинь Ся, услышав краем уха этот совет, усмехнулся, отмечая про себя, что подобные традиции остаются неизменными веками. Однако, закончив, Цао Ашуан вдруг осознала свою ошибку. Юй Цзюцюэ ведь даже собственного полного имени не знает, не говоря уже о своих «восьми знаках судьбы».

Она вспыхнула, прикрывая рот рукой:

— Брат А-Цзю, я совсем не подумала, что говорю. Ты не обращай на меня внимания!

Юй Цзюцюэ мягко улыбнулся.

— Все в порядке. Я уже здесь, а Будда и бодхисаттвы знают обо мне больше, чем я сам. Главное — искренность.

Его слова заставили Цао Ашуан почувствовать себя еще более неловко. Покраснев, она нашла предлог пойти в зал Гуаньинь, чтобы помолиться о ребенке, и поспешно потащила Вэй Чао за собой. Она скрылась так быстро, что Юй Цзюцюэ даже не успел ее остановить. Он только вздохнул и, повернувшись к подошедшему Цинь Ся, заметил:

— Я действительно ничего не подумал. Надеюсь, сестра Шуан тоже не станет переживать.

Цинь Ся успокаивающе улыбнулся:

— Ты ведь знаешь ее характер. Достаточно будет купить ей что-нибудь вкусное на обратном пути, и она все забудет.

Юй Цзюцюэ рассмеялся:

— Ты прав.

Эта беседа прошла для Юй Цзюцюэ легко, но у Цинь Ся остались свои мысли.

Хотя дата рождения Юй Цзюцюэ была неизвестна, его настоящее имя Цинь Ся знал.

Сдержанно поклонившись с тремя благовониями в руках, он тихо попросил для своего спутника самое простое и искреннее: чтобы новый год принес ему радость, здоровье и спокойствие.

Выйдя из Дасян Баодянь, они направились к залу Гуаньинь, который был недалеко. У входа туда толпились пары: мужья с женами и супруги с герами. Зал славился тем, что его молвы о благословении на потомство разлетались далеко за пределы храма.

— Хочешь пойти туда? — спросил Цинь Ся, глядя на зал Гуаньинь.

Юй Цзюцюэ задумался и немного смущенно ответил:

— Может, пока не стоит.

Они ведь еще даже не стали настоящими супругами, а идти просить у бодхисаттвы ребенка? Даже Будда, наверное, удивился бы.

Цинь Ся с мягкой улыбкой кивнул:

— Тогда пока не будем.

В его глазах главное — это не потомство, а здоровье и безопасность. Да и идея с просьбой о ребенке сейчас была, пожалуй, лишней. Только об этом Вэй Чао и Цао Ашуан знать было не обязательно.

Снова встретились они уже под старой сосной у входа в храм. Цао Ашуан заметно нервничала, встречаясь взглядом с Юй Цзюцюэ, и явно не чувствовала себя так же непринужденно, как раньше. Через несколько мгновений она достала что-то из рукава, подошла к Юй Цзюцюэ и, опустив голову, протянула ему.

— Брат А-Цзю, это оберег, который я для тебя попросила. Пусть он защищает тебя и дарит здоровье. Прости меня за мои неосторожные слова раньше.

Юй Цзюцюэ удивился, что Цао Ашуан даже приготовила подарок, и ответил искренне:

— Мы ведь не первый день знакомы. Ты же знаешь, что я не из тех, кто обижается на такие мелочи.

Но Вэй Чао, услышавший их разговор, тут же вмешался:

— Брат А-Цзю, возьми. Иначе Ашуан сегодня ночью не уснет! Она мне уже успела все рассказать и только что едва не топала ногами от досады!

После таких слов отказываться действительно было неуместно, особенно в первый день нового года. Юй Цзюцюэ взглянул на Цинь Ся, который спокойно подмигнул ему. Тогда Юй Цзюцюэ протянул руку и взял оберег. Небольшой и не слишком изысканно сделанный, он, однако, пах тонким ароматом сандала и вызывал удивительное чувство умиротворения.

— Хорошо, я его принимаю. Спасибо за твою заботу. А о прошлом давай больше не будем

вспоминать.

Он бережно положил оберег в карман, а Цао Ашуан с облегчением выдохнула, будто гора свалилась с ее плеч. Спускаясь с горы, они снова оживленно беседовали, и Цао Ашуан, казалось, вернула себе прежнюю легкость.

На улице перед храмом ярмарка была в самом разгаре. Разносчики зазывали покупателей, продавая все от сладостей до поделок.

— Тангулу! Ягоды в карамели! Большие и сладкие! — громко выкрикивал старик, толкая свою тележку.

На его подносе, помимо традиционных ягодных тангулу, лежало что-то темное, неизвестное. Заинтересовавшиеся прохожие спрашивали, что это такое, и старик с гордостью отвечал:

— Это тангулу из ямса! Две монеты за шпажку. Снаружи сладко, внутри мягко. Для тех, кто не любит кислое!

Тангулу из ямса были редкостью, известной только в уезде Цинань. Хотя ямс сам по себе считался дешевым продуктом и не слишком приятным на вкус, многих привлекала возможность попробовать что-то новое. Покупатели рассуждали: «Всего две монеты, да еще и с сахаром — хуже уж точно не будет!»

И старик действительно продал немало, а те, кто попробовал, восхищенно отзывались о его товаре. Он довольно улыбался, чувствуя тяжесть своего кошелька, когда внезапно заметил двух знакомых молодых людей.

Прищурившись, он понял, что не ошибся. Высокие, статные, с выразительными чертами лица — те самые юноши, которые в прошлый раз дали ему хороший совет.

— Эй, молодые господа! Помните старика? — окликнул он, подняв руку, чтобы привлечь их внимание.